

ПРО НАС?!

(Интеллигенция и мы,
так называемые прочие,
До новшеств всяких все (!) охочие).

1. Рождение — только пролог
Там, где любовь — итог.
Мозг забивает мистика.
Правда? Ложь? Блажь...
И подлог.
...Казуистика.
Следом за ней некролог.
Что же такое — истина?
Истина — Бог.
2. Как размахиваться, объясни мне, рука,
чтобы всех приголубливать наверняка?
Рисует статистика, в красках естественных,
бдением верных своих адвокатов:
«Бессильна любая, вплоть до безупречной,
чтоб факт опровергнуть, по нашим понятиям,
западная экспертиза...
А факт тот: Россия — для ста девяноста
народов Отчизна,
Без всяких форматов, границ,
дубликатов и фальсификатов.
И что́ прогрессивно?! Просторы её всем
удачливым шустрикам,
с давней поры, нарасхват».

Но где на их дивных просторах бытуют
места, чтобы шустриков (кое-каких; нет,
не всех) приголубливать запанибрата?!

3. Антихристы — душки.

Поэтому всё, что естественно чистое
в обществе, душат

Антихристы — душки. От них так и веет желанием
нам нанести то, что мы перепутали с пользой.

И мы отдаём наши мнения им, чтоб самим не иметь.

Обуза... Но суть уплывает (над нами)

из рук наших. И наши эфиросные грёзы

Сжижаются в слёзы,

А из наших мнений городится крепкая,

для нас, доверчивых олухов, клеть.

4. А мираж... Он кормилец наш.

Пища необъяснимых восторгов: остатки.

Останки.

Не каждый рассудок способен

соблазны (любые) взять и побороть.

Пусть совесть (беречь её надо)

терзает и душу, и плоть.

Терзает?.. Но чьи? Ваши? Может быть.

В наших хозяйничает ералаш...

Там, где гордократия властвует,

помыслы, без колебаний, берёт

легковерие на абордаж.

Оно, в ералаше души, без помех порождает

не веру — мираж.

Мираж рукотворен

с начала информационной поры.

Скрывает он не пустоту, а набег на души,
просчитанные на компьютерах

неазиатской орды.

Кто мы как защитники жизни естественной?

Не скакуны и не тяжеловозы.

Мы вымотанные (вина в том:

без поисков происков — наша) одры.

5. Дорога наукою славная пройдена.

И всё же в ней есть однобокость — уродина.

Наука, настройся —

как можно скорее — на изобретение,

Возможное лишь только в случае странном,
когда тебе, вечной тудяге за наши мирские
победы (и беды), совсем делать нечего.

Возьмись за такое открытие, тем лишь
единственно ценное во времена (все)

битья (бытия) человечества,

Что только оно может вызвать в субъектах
общественных животворящее,

смерти кривляньем, смятение.

6. Дюже хорошо — тоже хорошо,

если прошлое не стирается

(даже безрадостное!) в порошок

А также, наука, открой человечеству истину,

что столь любимое им процветание есть

Расписанная предложениями соблазнительными, —

далеко не всегда, правда, — несокрушимая сеть.

Она увлекает (пока не прорвётся, что ждать
не придётся нам долго, хотя не об этом печаль)

«Вперёд» то живое, которому вглядываться

непривычно в отнюдь не манящую

истинной верою даль.

8. Сон-трава и трын-трава...

Всё слова, слова, слова.

А что ж голова?! Она часть бестолкового тела.
Наступит секунда, неважно когда, и она
вместе с телом (не факт?) отойдёт в никуда.

На дорожку ей (с ним?) посошок.
И пусть... Лишь бы только при этом
из еврократичных* кошмаров душа улетела.
Но... Баюют мыслители (кое-какие, но мудрые
очень): простачество не обладает душой.

9. Ни словечка про то, как соборностью
может быть ложь раскулачена:

Гордократии (всякой)

присуще стукачество.

Но что се за бред, будто б

не обладает душою простачество?!

В округу всмотришься — и найдёшь в своих
близких и дальних в избытке

его, безусловно весомые, качества,

Что мигом заставят (с гарантией) пьянство
(и трезвость — бывает такое) отдать,

чтоб удачею

Закончились поиски душ,

сердцевиной своей многозначные?

Ну, а в гордопатии — море иных комбинаций,
что склонны на хитрое рвачество:

Пусть и непрофессиональное по мастерству
выкрутасов, зато безотказное

и эффективное в кознях: циркачество.

Когда вдруг не густо, в округе, окажется
ушных дельцов, им на помощь придут

докторанты трюкачества.

* *Еврократичность* — это производная от понятия *ЕВРОПЕЙСКАЯ демократия*, ещё проще — *ЕВРОКРАТИЯ*.

10. Бывает же... мысли шуршат,
а пользы от них — ни шиша.
Естественной жизнью пожить не даёт тебе,
мой сослуживец рассерженный,
тяга к публичности.
И не обязательна жизнь таковая, уверен ты,
ибо в тебе есть (ведь есть же?!)
способности гнуть околичности.
Пока разберутся,
что в них ни шиша нет в наличности,
Ты, через двуличность,
достигнешь высот символичности,
Которая ценится в обществе
плутократическом выше,
чем ценятся личности,
И можешь взирать на него
сквозь покров безразличности
Без всякой боязни итогов,
с присущей тебе неизбывною желчностью
вплоть до границ неприличности.
Вот только в блаженстве своём, что упорно
талдычит о «Вашем Величестве»,
Не сможешь понять ты, что, в целом, дошёл
до последней ступеньки порога не чьей-то —
своей — ограниченности и токсичности.

11. Там, где бродит либерал,
истинный прогресс застрял.
Растёт, без границ всяких обществу,
дань либеральной свободы,
Встречающая неокрепшую юность у входа
В жизнь, разнообразием властную,
К свободе разгульной пристрастную.

Ни мудрый прохвост.

...И в целом ответы (разумные)

вряд ли найдутся: их, в наш ералаш,
бесперспективен, плохим урожаем, покос.

13. А ведь всякой душе

с правдой рай в шалаше!

А нам какво? Ждать у печки погоды?

Как нас призывает внедрённая в души
к покорности тихой готовность

всё взвесить. Без срока: когда

безответственность и вдохновение
в тесных объёмах слились.

Сулит (о готовности речь) она броды,

поёт о любви к тёплым заводям оды.

И впрямь — чем они из ухватистых тин не исходы?!

...Душа, поспеши и, пока силы есть, в адрес мой,

твоего угнетателя, замкнутого на удобность,
вчини сокрушающий грех равнодушия иск!

14. А выходы из тупиков не ищите,

когда ваши чувства доверены,

даже толковой, улите.

Но, впрочем, есть способ, весьма современный,

привычный: вполне уважая

Законы комфорта —

остаться при бесперебойной защите:

Когда головы нет своей, то полезна любая чужая.

Последуйте формуле этой.

Но с Божьих людей не взыщите.

15. На свете
одна дорога
к Богу;
всё остальное — к смерти.
Мы метим во всё на свете,
Что здесь нам угодно.
Надо бояться не смерти —
А гнева Господня.
Погоня за всем, что подметил, —
К унынию дорога.
Надо бояться не смерти —
Обиды на Бога.
Догнал... А душа в лазарете,
Слепая, глухая, порожняя.
Надо бояться не смерти —
Вселения в душу безбожия.

16. В жизни одни лишь опоры:
от Господа Бога укоры
Вы лидеры бесспорные,
За вас молва стеной
На все четыре стороны.
У нас нет ни одной.
Они с какой нам стати?
Мы — со своей страной!
За вас — нечистых рати.
За нас — нет ни одной.
Вы — флагманы корысти.
Нам вверен дух скрепной
За то, что подлой мысли
У нас нет ни одной.

Отнюдь не (смешно?!) буффонада...
Тем более, не разольётся досада.
Без всяких сомнений: лихой бес сомнений
 в твоём сердце не учинит
 чертовщину разлада,
Где скалит привычно и дерзко
 шансонные зубы эстрада
И тайно сопит за расчётами быта
 бездушного краха засада.
Там зреет раздача страстей. Оттого,
 не смолкая, гремит недовольств
 дедовскими традициями кавалькада,
Растёт в противлении чувствам
 естественных душ эстакада,
Толстеет неистовых
 замыслов о небылом колоннада.
Разбросанность в действиях: в бой за свободу
 (чего и какую?!) вступает
 гранатных поступков армада,
Хотя ни сообщество, ни государство, ни даже
весь мир поднебесный с его разнобоями
 буйными, как автострада,
Ничуть не лелеют в себе оснований с причинами
 ни для распада, ни для невпопада.
Всё, что здесь творится: заносных явлений
 (особого рода; известно какого) надсада.
А люди, грехи умножая,
страшатся и радуются, что они вроде бы
 всех потуг и свершений плеяда...
 Найди своё место в борьбе этой,
 где не у дела утрата
Как следствие горьких ошибок, пусть и не великой
в тебе, но безоблачной личности (!), имя
 которой: ума волевого палата.

Старайся жить так, как действительно
(не фантастически) требует жизнь
кряжевого формата

Тогда ты, возможно, поймёшь,
что такое — от жизни — оплата.

Запомни при этом: возможность сию
превратить в сущность может одна доминанта:
Безустальная ненасытность с настырностью.
Удастся — с надмирностью.

Сумей и крутись в колесе жизни так,
чтоб вполне обрести
твёрдость духа: успехов гаранта.

При том даже, если «пока» до упада досада.

20. Ходят слухи такие: доверчивый —
и не крученный он, и не верченный.

Доверчивость... Через мечтательность?
В меру — фантазии?

Пропустим (в наш угол) и то и другое.

И — ладно... Но где здесь с мышлением связи? И
Что́ ждём мы в ответ всему этому? Чтобы

общественный рай
отыскал свой естественный край?

...Всем, кто подвернётся в пути, доверяй от начала
до самых последних концов без боязни,

От всей чистоты до немыслимой грязи.

И всех, даже больше, чем этих «всех», — как только
сможешь (не трать время зря) — проверяй!

21. На нашей, упрямством стандартным
заветренной, кухне,

мы плечи расправим да ухнем!

Люди делают вид, что не любят, когда их дурят.

Возмущению их, после разоблачения
 фактов обмана, не видно предела.
Но стараются наши обманщики, право ж, не зря,
Ибо их валанданья — не только во имя
 своих финобдиров, хоралов, шакалов,
 гофмаршалов и спецотделов.
Этим (об одурении речь понеслась),
 информацией не к размышлению
С бдением, а к измышлению
Сказок сладостных, нас наделяют (старайся понять
каждый раз — кто; хотя сей процесс
 и не остановить никому и ничем):
Чем решительней домыслы эти на факты похожи
 и — важно — занятней они, горячей,
Чем в них больше деталей
 из области сутолоки, нам не тесной,
Тем нам чудится жизнь наша (не чья-нибудь!)
до предела и полноответственной, и полноместной.
Мы мусолим в уме безобразные «факты»
 (и факты!) нервной действительности,
Той, которая души довинченные
 окружает пожарами мнительности
 с редкостной поразительностью.
Наши чувства при этом приходят в неистовство,
вслед вроде б за осознанием подлости пакостей,
 сделанных «кем-то».
В нас тогда (не сказать — «ни с того ни с сего»)
 зарождается, через откуда-то
 бьющих в решительность сумму моментов,
Ощущение, что нас таких, возмущённых,
 немало, мы — сила.
Та, которая кучу полезного
 для человечества наворотила

Я их бы (грехи, не снаряды) загрыз.
Но... Лапочки слишком они,
чтобы их не иметь.

24. От забавы до расправы
развернулся дух лукавый.
Антихристов много. Но все они скроены
по первозданной модели:

Лукавой. А в чём их различие
(есть ведь оно) меж собой?

Оно (представляется мне) в мере несовпадения
духа бесовского в каждом из них, разных,
и так бывает нередко — гурьбой, —
С естественным духом
естественного человека.

Чем больше подобия духу бесовскому, тем
интереснее и завлекательней всякого рода
Мыслителям с комплексом гордости
определять «параллели»

(Тут нечему нам удивляться:
такая уж их голубая природа)

Вплоть до совпадений (??) между лицемерием
и откровенностью, ложью и правдой,

Бравадой и, надо ж, — отрадой,

Соблазном и подлинностью,
вдрызг шизоидным десятилетием
и Данииловым веком.

25. Захочешь — комфорт
перешествуешь вброд.

Тогда гуманизм

не успеет испортить, как вышло бы, жизнь.

Блажит наших судеб владелица...

Когда-нибудь мы расшевелимся?

В сплошных тупиках наша улица...
Когда-нибудь мы образумимся?
Мужчины? Пока не «ограбимся»...
Когда-нибудь мы разухабимся?
Комфорт с гуманизмом нас косят.
Размякли и души, и стойкость.

26. Половицы трещат,
когда души людские свой храп
беспробудно вершат.

Пути: дюже узкий и очень широкий...

Нам, в «наше», уже предпоследнее,
время всё ясно и просто.

Когда «чудаку»,
чтобы в пьянстве его обличить,
предложили пройтись по одной половице,
Он, душу широкую дёрнув, изрёк:
«Я пройдуся, в вашу честь, сразу — вдрызг! —
по всем доскам помоста!»

Что́ это за хмель?! Вот вербовочный хмель
гуманистов ведёт всех людей на покатистый
путь, что без поручней и без границы,
Где яростный свет беспросветней,
чем мрак беспросветной темницы.

27. Думай, как не упасть
на твоей, в пропасть
перелопаченной чванством, дороге.
Впрочем, надо ли голову мучить?..
А как?! Ведь не сможешь сказать ты:
«С тобой я всегда» —
своей, к сердцу присохшей, берлоге.

И вот: на дороге безбрежной
надежда найдёт непременно преграду,
С которой (случится!) нет сладу.
И станет всё просто, а главное, ясно,
Что сам путь, небрежно широкий, — привада:
Верёвка, любовно намыленная «кое-кем»
для свершения бес хмелевого обряда.
В нём символ грехов наших,
вроде бы не гробовых, постоянства.
...Дай Бог, чтоб в движении, а не в плодах его
(поздно!), почувствовать суть безрассудства.
И следствий его: лизоблюдства.

28. Встань на колени

 перед собственной ленью!
Нет, нет! Не подумайте, что я настроен
Моим очень жизненным опытом,
 значит, духовно настоян
Враждебно к прогрессом увитым,
а также подобным, по замыслам
 (что они? как они? с кем они?) Лигам.
Готов их любить пуще собственной тени.
Посмотришь: живётся привольно Гаагам,
Мадридам и даже примкнувшим недавно
 к ним Прагам, Варшавам и Ригам:
Какой-то ЕС примитивный сумел завалить
их бесценными еврами. И всё — заменой,
Сплавляемой ими, — по мнению Запада —
 скучной продукцией, из дребедени.
У нас разве хуже?! Причём без ЕС!

Взамен нефти, газа и прочей,
на взгляд наш теперь (и уже), чепухи,
Все полки всех без исключения шопов
беснуются от неуёмных соблазнов!
Причём, если вдуматься даже чуть-чуть, —
в чём-то, по-джентльменски, —
весьма куртуазных!
Ох, как же мы жили в советское время
без них (и без Лиг!), лопухи?!

29. Ходят слухи, что водятся рыбки и в лужах,
если лужам уверенно дождики служат.
Проснись, оптимизм, и — бегом — в оптимальность!
Чтоб вы, как положено братьям, слились воедино.
Всегда эта сумма — решений секрет!
Такой, что он звёздочкою путеводною может
в мгновение стать,
Ни нам, ни не нам не оставив ни шанса
забыться в сияющих «счастьем»
информотехнических джунглях судьбины,
Чтоб не превратилось ни в чём человеческое
существо в пустячок, что зовётся услужливым,
значит, удушливым для него словом «простака».
Рыбёшка — большая и малая истины! — в бурях
ловись рассуждений разумных и — даже —
в пустых (вроде бы) словопрениях:
О том, чем живёт человек,
освещённый неонов увечным,
О том, как в толпе рассмотреть тех людей,
кто готов разделить с нами нашу уверенность
в наших сомнениях...
И даже о том: мы-то сами бредём
в ту ли сторону, где обретается вечность (?).

